

М
А 16

16

Г. ЯБРЯМАН

КЛЮЧ ОТ ПЕСЕНКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"

1970

Издательство „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“
Москва 1970

ПЕСЕНКА ЕСТЬ, А МУЗЫКИ НЕТ

Как-то раз нашёл я листок бумаги. На нём, словно рельсы, тянутся линейочки. Пять линейечек дружно, рядышком, а немного отступя, ещё пять, и ещё, и ещё.

А на линейечках и между ними разбросаны кружочки разные: чёрненькие и беленькие, с хвостиками и без хвостиков, с перекладинками и без перекладинок.

Увидела всё это моя старшая сестра Маринка и сказала, что на такой бумаге музыку записывают.

— А как, — спрашиваю, — *музыку* записывают?

— Очень просто. Так же, как и слова. Только слова складываются из *БУКВ*, а музыка — из *НОТ*.

— Значит, на этом листочке написана музыка?

— Конечно... Это, наверное, песенка. Вот и слова внизу:

Мы слепили снежный ком,
Ушки сделали на нём,
И как раз вместо глаз
Угольки нашлись у нас...¹

— Ты не читай, а пой, — говорю я Маринке. — Песенки ведь не читают, а поют!

— Нет, Алёшка, — отвечает Маринка, — спеть я тебе не смогу. Я не знаю *нот*. Пойди к Лене, она споёт.

И правда, обрадовался я, Лена, подружка Маринки, давно уже учится играть на пианино: целый месяц или два.

¹ Текст песни О. Высоцкой.

КЛЮЧИ БЫВАЮТ ВСЯКИЕ

Пришёл я к Лене:

— Лена, споём?

Откидывает она крышку пианино, берёт нотный листок и вдруг говорит:

— Нет, не споём: у этой песенки нет *КЛЮЧА*. А без *ключа* ничего не получится.

Хотел я подробно расспросить, какой он, этот *ключ*, без которого невозможно ни сыграть, ни спеть мою песенку,—железный, деревянный, а может быть, золотой, хрустальный?

Но Лены уже и след простыл — захлопнула крышку пианино и убежала.

Вот всегда так! Никогда от неё ничего толком не добьёшься, вечно куда-то спешит.

Повертел я в руках нотный листок. «Где же, — думаю, — искать *КЛЮЧ ОТ ПЕСЕНКИ?*»

Выглянул во двор, смотрю, Серёжка там носится. И в руках у него синий паровоз.

Я к Серёжке.

• А он давай хвастаться:

— Мой паровоз заводной, сам умеет ездить. Вот и ключ к нему...

— *КЛЮЧ?* А он к песенке не подходит?

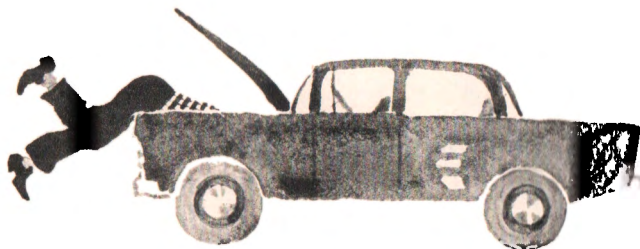
— Давай попробуем,—предложил Серёжа.

Покрутили мы ключ, повертели и дырку в нотной бумаге сделали.

— Ну и ключ, — вздохнул я.— Не ключ, а одно недоразумение.

— А им ещё часы настенные можно заводить,—обиделся Серёжка.

— Заводи, заводи,— говорю,— а мне он всё равно не подходит.

Отошёл я от Серёжки и увидел дедушку Митрофана.

Дедушка Митрофан сидит на лавочке и греется на солнышке.

Он всегда греется, даже когда дождь идёт. Он говорит: «Пока до дома добреду—солнышко выглянет, пока обратно буду возвращаться—дождь пойдёт». И сидит.

— Дедушка Митрофан,— говорю,— у вас, случайно, нет ключа от песенки?

— От песенки? Это какой же?— переспросил дедушка.— Я и понятия не имею!

Побежал я к дяде Диме. Он как раз из гаража свою машину выводил.

Вывел, поднял капот и нырнул головой туда, где мотор ворчит. Только ноги снаружи и остались.

— Что, опять испортилось?— спрашиваю.

— Надо тут кое-что подкрутить, подвертеть,— отвечает дядя Дима, вылезая из мотора.— Чтобы не чихало и не кашляло.

И достаёт из кармана гаечный ключ.

КЛЮЧ!

— Дядя Дима, а ваш ключ не подходит к песенке?

— Ты технически отсталый человек,— говорит он мне.— Этим ключом гайки заворачивают да отворачивают. А ключ от песенки надо искать только у музыканта.

ВАЛЕРИАН КОПЕЙКИН И КОНТРАБАС

Стал я думать.

И вспомнил: в нашем доме, кроме Лены, живёт ещё один музыкант — Валериан Копейкин по прозвищу Контрабас.

Обрадовался я и решил разыскать Копейкина, а он тут как тут. Идёт по двору, перебирает длинными ногами, словно цапля, ни на кого не смотрит. Серьёзный человек.

— Послушай, Копейкин, — спрашиваю, — нет ли у тебя ключа от песенки?

Копейкин дёрнул рукой, словно муху согнал с носа, и коротко бросил:

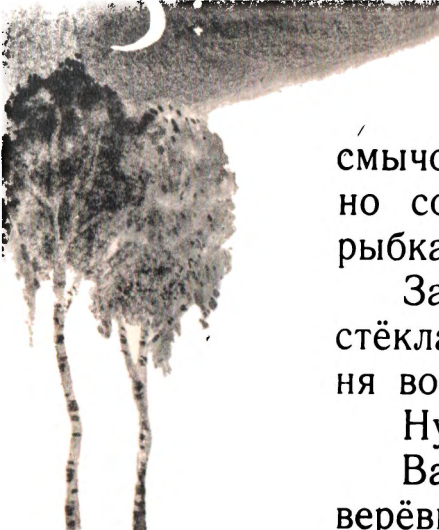
— Следуй за мной!

Пришли мы к нему домой, и тут я первый раз увидел контрабас: большой-пребольшой, толстый-претолстый, очень сердитый с виду. И выше самого Копейкина чуть ли не на две головы.

— Поглядим, посмотрим, — важно сказал Копейкин и положил мой листок на пульт — на такую деревянную подставку для нот.

Потом навалился грудью на контрабас, будто испугался, что тот сбежит, взял в правую руку

смычок так, как я беру пистолет, растопырил локти, словно собирался залезть голыми руками в аквариум за рыбками, и стал водить смычком по струнам.

Загудел контрабас густым басом. Задрожали в окнах стёкла, запрыгала ложка в стакане, зашевелились у меня волосы на голове.

Ну и контрабас!

Валериан Копейкин водит смычком по толстым, как верёвки, струнам своего великана контрабаса, а я пробую петь:

Мы слепили снежный ком,
Ушки сделали на нём,
И как раз вместо глаз...

Только он не доиграл, а я не допел. Нам обоим стало ясно, что никакая это не песенка: я сам по себе, а контрабас сам по себе.

Опустил Копейкин смычок и говорит:

— Нет, не подходит мой ключ к твоей песенке.

— А какой у тебя ключ?

— *БАСОВЫЙ*.

— Где, покажи?

— Вот, — говорит Копейкин и показывает мне свою нотную тетрадь.

И на ней в левом углу перед нотами я увидел *БА-СОВЫЙ КЛЮЧ*.

А он не железный, не деревянный, не золотой и не хрустальный, а... *НАРИСОВАННЫЙ!*

Очень похож на полумесяц, даже две звёздочки сбоку.

— А может быть, есть ещё какой-нибудь ключ? — говорю я.

— Есть, конечно, — соглашается Копейкин. — Только я пока знаю один, *басовый*. Вот что, Алёшка, уходи-ка ты отсюда и не мешай мне заниматься, понятно?

Ничего не поделаешь: пришлось мне оставить Копейкина в покое...

ГОЛУБЬ И ЕЩЁ ОДИН МУЗЫКАНТ

Поднялся я к себе домой, на третий этаж, и стал из нотного листка складывать голубя — не пропадать же зря хорошей бумаге!

Завернул один конец нотного листка, потом сложил углом второй. Примял где надо, пригладил, а хвост сделал из кусочка обыкновенной бумаги.

И получился славный голубь: крылья усеяны нотными точками, а хвост белый, в тетрадную полосочку.

Распахнул я окно и запустил голубя.

Закружил мой голубь, закачался, спикировал на посадку и... хлоп как му-то прохожему на шляпу!

Прохожий посмотрел наверх, погрозил мне пальцем. Потом вдруг поднял голубя с земли и стал разворачивать.

Пропал мой голубь!

Сбежал я вниз, на всякий случай остановился на почтительном расстоянии, а прохожий говорит:

— Ай-я-яй! Разве можно с нотами так обращаться?

— Это бесполезные ноты, — отвечаю, — тут написана песенка, а ключа у неё нет.

— Вот как! А ну-ка пойдём ко мне, — говорит прохожий и направляется к соседнему подъезду.

А я за ним.

— Меня,—говорю,—зовут Алёшкой.

Прохожий вежливо приподнимает шляпу:

— А меня Семёном Григорьевичем.

КЛЮЧ НАШЁЛСЯ!

И увидел я в комнате Семёна Григорьевича большой чёрный *РОЯЛЬ*.

Стоял рояль тихо, смирно, как уснувший слон. Семён Григорьевич подошёл к нему и откинул крышку. Смотрю, а там, как и у Лениного пианино, клавиши — чёрные и белые. Сколько их тут! Видимо-невидимо! Не выдержал я и ткнул пальцем в самую крайнюю клавишу слева.

Ткнул и даже испугался: из рояля вылез тяжёлый раскатистый звук, как будто у меня за спиной зарычал медведь.

Отошёл я подальше от этой клавиши и стал трогать самые последние справа. А они, оказывается, поют, как птицы, и звенят, словно колокольчики!

Пока я раздумывал над тем, почему одни клавиши рычат, а другие звенят, Семён Григорьевич достал откуда-то крошечный контрабас.

— Я уже видел такой контрабас, — похвастался я. — Только большой...

— Это *СКРИПКА*, — уточнил Семён Григорьевич и стал играть.

Играет, а сам в нот-
ный листок поглядывает.

А я думаю: «Если у
великана контрабаса не
нашлось ключа от песен-
ки, откуда же он у ма-
ленькой скрипки?»

А Семён Григорьевич
играет и улыбается.

Стал я петь вместе
со скрипкой:

Мы слепили снежный ком,
Ушки сделали на нём...

Кажется, получается.

И как раз вместо глаз
Угольки нашлись у нас...

Получается!

Кролик белый — как живой:
И с хвостом и с головой,
За усы не тяни —
Из соломинок они!

Здорово получилось!

— Хорошая песен-
ка,— сказал Семён Гри-
горьевич.

— Какой же у неё
ключ?

— А вот какой...

И он нарисовал на
моём нотном листочке
ключ.

Вот такой:

СКРИПИЧНЫЙ.

Посмотрел я на ключ и сразу вспомнил цифру «8»: если прибавить палочку здесь, чуточку подправить вот здесь и немножко закруглить вот здесь.

— Скрипичный ключ,— сказал Семён Григорьевич,— подходит ко всем детским песенкам. Это один-единственный ключ, в котором пишут песни для детей. Понял?

— Да,— отвечаю.— Только не понял, какая разница между скрипичным ключом и басовым, который мне показал Валериан Копейкин.

БАСОВОЕ ЦАРСТВО

— Ну, это, Алёша, понять не так трудно,— успокоил меня Семён Григорьевич.— Ты только представь себе два *ЦАРСТВА ЗВУКОВ*. В одном живут *БАСОВЫЕ НОТЫ*...

— Это те, сердитые, тяжёлые, которые рычат по-медвежьи?

— Очень похоже,— согласился Семён Григорьевич.— И отпирается это царство *БАСОВЫМ КЛЮЧОМ*. Но не думай, Алёша, что все звуки *БАСОВОГО ЦАРСТВА* сердитые. Можешь проверить...

Подошёл Семён Григорьевич к роялю и сказал мне:

— Пробуй, не бойся, а я послушаю.

И стал я пробовать одну клавишу за другой. Запрыгал мой палец слева направо, с белой клавиши на чёрную, с чёрной на белую — раз, два, три, четыре...

И очутился я в дремучем лесу. Погнался за мной медведь и ещё какие-то страшные звери... Раз, два, три, четыре... Скорее, скорее прочь из этого мрачного леса!

И чем дальше я уходил, тем светлее и добрее становились звуки рояля.

Вскоре я очутился на середине клавиатуры.

— Стой, Алёша, дальше ни шагу! — вдруг воскликнул Семён Григорьевич.

— Почему? — удивился я.

ЦАРСТВО ВЫСОКИХ ЗВУКОВ

— Почему? — переспросил Семён Григорьевич. — Потому, что ты стоишь на границе: отсюда начинается *ЦАРСТВО ВЫСОКИХ ЗВУКОВ*. И нет в это Царство ни пути, ни дороги *НОТАМ* без *СКРИПИЧНОГО КЛЮЧА*.

Посмотрел я на Семёна Григорьевича и говорю:

— Мне очень хочется заглянуть в Царство Высоких Звуков. Можно?

— Входи, Алёша, входи. Ты ведь теперь знаешь, какой он, *скрипичный ключ*.

Я перешёл границу и начал своё путешествие по Новому Царству, по его клавишам, туда, поближе к Самым Высоким Звукам.

По пути я то и дело перескакивал через звонкие ручейки, выбегал на солнечные поляны и слушал пение соловья, а

может быть, жаворонка, а может быть, каких-то других птиц, а может быть... всё это мне просто показалось.

Во всяком случае, точно на этот вопрос я не могу ответить: Царство Высоких Звуков осталось далеко позади, мой палец опустился на последнюю клавишу и раздался прощальный звон колокольчика.

— А что, если перепутать ключи? — говорю. — В Басовое Царство заявиться со скрипичным ключом, а в Царство Высоких Звуков — с басовым?

— Ни в коем случае! — воскликнул Семён Григорьевич. Всё может перемешаться, перепутаться. Медведь запоёт Соловьём, Жаворонок заревёт Медведем, музыка перестанет быть музыкой, и случится то, что случилось с твоей песенкой: ни кто её не сможет ни спеть, ни сыграть.

КЛЮЧ К ДЕТСКИМ ПЕСЕНКАМ

Теперь я всё понял.

«Вот почему, — думаю, — мне не помог Валериан Копейкин: он пробовал играть мою песенку с помощью *басового ключа*, а ей-то нужен был *скрипичный*! Поэтому песенка получилась задом наперёд, а может быть, шиворот-навыворот».

Попрощался я с Семёном Григорьевичем.

Иду домой и пою:

Мы слепили снежный ком,
Ушки сделали на нём...
И как раз вместо глаз
Угольки нашлись у нас...

Кролик белый — как живой:
И с хвостом и с головой,
За усы не тяни —
Из соломинок они!

Длинные, блестящие, словно настоящие!

Теперь я знаю, что такое *музыкальные ключи* и для чего нужен *басовый ключ*, для чего — *скрипичный*.

Но больше всего мне нравится *СКРИПИЧНЫЙ*, потому что он подходит к любой Детской Песенке!

1500 ф 4756 м с 5

Цена 10 коп.

2-60

РИСУНКИ В. ТРУБКОВИЧА

Д Л Я Д О Ш К О Л Ь Н О Г О В О З Р А С Т А

Абрамян Григорий Владимирович

К Л Ю Ч О Т П Е С Е Н К И

Ответственный редактор Н. А. Терехова. Художественный редактор Н. Г. Холодовская. Технический редактор Л. В. Гришина. Корректор Е. Б. Кайрукшис. Сдано в набор 11/III 1970 г. Подписано к печати 4/V 1970 г. Формат 60 × 90¹/₈. Печ. л. 2. (Уч. изд. л. 1,99). Тираж 300 000 экз. ТП 1970 № 22. Цена 10 коп. на бум. № 1. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва. Центр. М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавополиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, Сушевский вал, 49. Заказ № 379.